

И. С.
АКСАКОВ

Сочинения

Иван Сергеевич Аксаков

Речь о Ю. Ф. Самарине

«Вы знаете, о ком и о чем должно быть, да и не может не быть наше первое слово. Вот уже целый месяц, как во всем русском обществе, у всех, кто только не совсем заглох душою и способен жить не одною личною, но и общеою жизнью, – у всех, и на устах и в памяти, одно дорогое и любезное имя... Да, завтра 19 апреля, ровно месяц, как убыло в России человеком, которому нет замены, с которым ушло от нас целое богатство духа – убыло Самариним Юрием...»

Иван Сергеевич Аксаков

Речь о Ю. Ф. Самарине

(Сказана в заседании Славянского комитета 18 апреля

1876 г.)

М^{м. Гг.}

Вы знаете, о ком и о чем должно быть, да и не может не быть наше первое слово. Вот уже целый месяц, как во всем русском обществе, у всех, кто только не совсем заглох душою и способен жить не одною личною, но и общею жизнью, – у всех, и на устах и в памяти, одно дорогое и любезное имя... Да, завтра 19 апреля, ровно месяц, как убыло в России человеком, которому нет замены, с которым ушло от нас целое богатство духа – убыло Самариным Юрием.

Говорить о нем трудно, потому что чего сказать – слишком много. Но входить в тщательную оценку этого сокрывшегося от нас богатства, распространяться о нем подробно, как о мыслителе, писателе и гражданине, было бы еще не своевремененно и не уместно, да едва ли теперь в том есть и надобность: еще стоит в воздухе, еще не стихло то красноречивое надгробное слово, которое, можно сказать, само общество, всею своею совокупностью, промолвило ему в единодушном взрыве сочувствия и скорби при первой вести об его кончине. Явление знаменательное, на кото-

ром стоит остановиться мыслью, тем более знаменательное, что общество, захваченное этою вестью врасплох, еще не могло и успеть отдать себе ясный отчет в значении понесенной утраты. В самом деле, кто такой, чем, казалось бы, мог быть для большинства русской публики Юрий Федорович Самарин? Кого и что почитало в нем общество? Не высокопоставленное лицо в официальной государственной иерархии, потому что он не занимал в ней никакого видного места, по лестнице чинов стоял на низкой ступени, не пользовался от государства ни почестью, ни почетом. Не государством, стило быть, и не по почину государства вызвано было со стороны общества такое гласное, торжественное воздаяние.

Не чествовало ли общество Самарина собственно как писателя? Но при всей известности, которою он пользовался как блестящий писатель, его читали не многие. Его статьи рассеяны по журналам и газетам, никогда не пользовавшимся благосклонностью большинства; его сочинения, печатанные в России касались предметов слишком серьезного,

слишком отвлеченного содержания, не многим доступных, а его заграничным изданиям, посвященным на пользу России, не было дано хода в России.

Как мыслителя? Но именно как мыслитель, он был самым даровитым, могучим и потому опасным противником тех новейших философских учений, которые так распространены, так господствуют в нашем обществе, которые опираются на такие громкие, знаменитые в Европе и властительные у нас современные научные авторитеты...

Как либерала, демократа?.. Но он не был тем патентованным либералом и демократом, которого тип так популярен в большинстве нашей публики. Его либерализм и демократизм был не такого рода, который бы легко было распознать и оценить обществу, воспитавшемуся на иных либеральных традициях, – не подходил под мерку, преподаваемую публике значительным числом наших публицистов.

Чествовалась ли, наконец, его практическая гражданская деятельность? Ретивое, плодотворное участие Самарина в работах по

освобождению крестьян стяжало ему, конечно, известность, но эту честь он разделяет с другими, и не она одна, чрез 15 лет после события, могла послужить поводом к такому дружному, сердечному соболезнованию об его преждевременной кончине. Не деятельность ли его в городском и земском самоуправлении? Но ни это самоуправление не пользуется покуда в России, к прискорбию, особенно горячим, всеобщим сочувствием, ни самое содержание деятельности – в большинстве случаев мелочное, хозяйственное, чисто внешнее – не в состоянии было возбуждать к себе живое общественное участие: необычайное труженичество Самарина привлекало к себе внимание разве только по несоразмерности и несоответственности содержания с громадою и свойством данных ему от Бога талантов.

И тем не менее едва лишь пронеслась молва о кончине, великое общественное значение Самарина, ясное для близких ему друзей, но неожиданно даже для них самих, внезапно, без предварительных толкований, без подготовки, без сговора, сказалось мгновенно

в сознании всего русского общества – не путем отчетливого анализа, а каким-то откровением общественного нравственного чувства. Едва лишь смерть успела подвести итог под его земное бытие, как разом вознесся и стал пред нашим мысленным взором, во весь свой рост и во всей своей цельности, его духовный образ и охватил все общество неотразимую силою своего нравственного обаяния.

Всмотримся несколько пристальнее в черты этого величавого духовного образа – и мы поймем причины его могущественного действия на общественную совесть.

Это был дух воинствующий, дух, вечно, неослабно стремившийся к высшей истине, – не к какой-то искомой и неопределенной, а определенно веруемой и исповедуемой. Не скачками, не порывами, не увлечением чувств, – он сознательно, всем своим существом, шел неуклонно вперед, созревая и совершенствуясь нравственно, водимый мощным умом и сильною волею во свете религии. Это был христианин во всеоружии языческой мудрости и научного знания; это был даровитейший деятель современной науки и обще-

ственной жизни во всеоружии нравственных христианских убеждений. Это был человек, который богач талантами, никогда не надмевался ими и, пренебрегая славою, не щеголяя духовною красотою, добровольно, по внутреннему свободному побуждению, обращал себя в смиренного труженика, если, по его мысли, того требовала общая польза. При блестящем общественном положении, имея в своем распоряжении все блага земные, он в «святая святых» своей души носил запросы аскета и героическую стихию, постоянно совершал жертвоприношения своею личною жизнью, постоянно священнодействовал по слову апостола – «духом горяще, Господеви работающе».

Это был человек – *земли, земский*, где бы ни действовал он, хотя бы в разрешении вопросов и дел государственного свойства. Власть и почести государственные не имели для Самарина никакой цены. Русская земля, в лице своего образованного общества, угадала чутко его земское значение, признала его своим. Его голос был голос земщины – свободной, с государством союзной, но независи-

мой.

Да, Самарин был человек едва ли не самый свободный, самый независимый духом в России, несмотря на то, или точнее: именно потому, что он не был и не мог быть революционером, что он был врагом всякого насильственного посягательства на свободу органического развития, что, не отделяя себя от народа и уважая политические формы бытия, выработанные народу его историей, он в самом подчинении им умел сохранить всю полноту человеческого достоинства, всю неприкосновенность той личной нравственной и гражданской свободы, которая не может быть отнята у человека никаким законом и никакою властью. В область гражданской деятельности и отношений он вносил те же нравственные требования, какие считал для себя обязательными и в частной жизни. Он не отделял понятия о *праве* от понятия об *обязанности*, и не будучи либералом в пошлом истасканном смысле этого слова, он с какою-то расточительностью личного труда, до изнеможения сил, работал над созданием русской гражданской свободы, полагая ей в осно-

ву личный подвиг общественного служения, исполнение личного гражданского долга, во всем его объеме и святости. Потому что, по его понятиям, свобода зиждется и упрочивается только на нравственной почве, потому что свобода, как и царствие Божие, *нудится...*

Юрий Федорович Самарин был из сонма тех *трех*, которые в истории русского общества осуществили тот умственный и нравственный процесс, что зовется славянофильством. Ученик и друг Хомякова, товарищ и друг Константина Сергеевича Аксакова, он с 20-летнего возраста вступил в общение с ними и двадцать лет потом, по его собственным словам, «жил с ними одною духовною жизнью». В них троих, Хомякове, Константине Аксакове и Самарине, явилось, сложилось и завершилось славянофильство – как личное дело, как отдельный стан в литературе и обществе, как особый период в нашей народной жизни, указавший и выработавший основы дальнейшего развития русской мысли. С кончиною Юрия Федоровича, который еще недавно, в предисловии к одному из своих заграничных изданий, назвал себя «неисправи-

мым славянофилом», начинается история для славянофильства. Я не намерен распространяться о значении и важности этого общественного явления. В общих чертах это была не только эмансипация народного духа от иноземного ига (в чем заключалась бы только отрицательная заслуга), но и подвиг народного самосознания, разъяснивший и определивший те духовные и социальные начала русской народности, которые призваны быть могучими факторами всемирно-человеческого развития и просвещения. В них, Хомякове, Константине Аксакове и Самарине, русская народность, можно сказать, получила свое первое, высшее оправдание как в самостоятельных мыслителях и деятелях, в них олицетворилось примирение цивилизации западной с Востоком. Автор статей «О народности в науке», вызвавших некогда такую полемическую бурю в нашей литературе, Юрий Федорович Самарин сам, всю свою жизнь и деятельностью, красноречивее всего свидетельствует об истине, им провозглашенной. Но характеристической, существенною особенностью славянофильства было его нравствен-

ное содержание, его логически неразрывная, тесная связь с христианскою верою и учением.

Такова была та духовная и нравственная школа, в которой сложился и закалился Самарин, которая дала ему направление и внутреннее определение на всю его жизнь, – которой в ее основах он до конца остался верен, хотя и вышел из школы в жизнь, на открытое поле внешней гражданской борьбы и деятельности, хотя, умудренный личным и историческим опытом, и освободился от исключительности и крайностей, нераздельных с пылом молодых лет и первого творчества мысли.

Вот те существенные черты, которые, взятые вместе и слитно, создали величавый духовный образ, так сильно воздействовавший теперь на наше русское общество. Юрию Федоровичу Самарину дано было это, по-видимому, разрозненное и вялое общество потрясти, сплотить и поднять до высоты единодушного нравственного порыва: благодаря ему, оно пережило несколько возвышенных, исторических мгновений, которые, надобно наде-

яться, не останутся бесследны. Это достойный венец мужественному подвигу его личной и общественной жизни, это его служба русской земле даже из-за могилы...